

Сильвестръ и Адашевъ.

21-го іюня въ Москвѣ вспыхнулъ новый пожаръ. На этотъ разъ, бѣдствіе приняло небывалые размѣры. Запылалъ Кремль. Занялся верхъ соборной церкви, загорѣлись палаты царя и митрополита; постельная палата съ казною, оружничья палата, два монастыря и нѣсколько церквей со всѣми богатствами стали добычею пламени. Митрополитъ Макарій едва не задохся: спасаясь отъ огня, онъ упалъ и тяжело расшибся. Около 1700 людей—мужчинъ, женщинъ и дѣтей сгорѣли живыми въ страшномъ пожарищѣ. Въ торговой части были уничтожены всѣ лавки. Ивану негдѣ было жить: онъ переѣхалъ въ село Воробьево. Это—та самая возвышенность подъ Москвою, откуда впервые Наполеонъ созерцалъ будущую могилу своей славы. Въ Воробьевѣ царь держалъ совѣтъ съ приближенными. Его духовникъ Ѳеодоръ Барминъ заговорилъ о чародѣяхъ, которые, будто бы, были виновниками несчастія. На этотъ счетъ распространялись уже сказки. Ходили слухи, что лихіе люди вынимали человѣчьи сердца и клали, въ воду; тою водою они кропили по Москвѣ. Отъ этого, будто бы, Москва и выгорѣла. Кое-кто изъ бояръ подтверждалъ эти обвиненія. Тогда принялись розыскивать виновныхъ. Нѣсколько дней спустя въ воскресенье, толпа народа собралась у Успенскаго собора. Очевидно, ее уже натравили заранѣе, потому что она стала открыто кричать имена виновныхъ. Правленіе Елены оставило по себѣ злую память. И мать, и братья правительницы были предметомъ непримиримой ненависти. Явились свидѣтели: они показывали, что видѣли, какъ Глинскіе кропили дома и улицы колдовскою водою. Дядя царя, Ми-

хαιлъ Васильевичъ Глинскій, вмѣстѣ съ матерью Анной жилъ въ это время далеко, во Ржевѣ. Но братъ его, Юрій, оставался въ Москвѣ. Онъ послѣдшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но разъяренная чернь ворвалась и туда, убила князя Юрія, выволокла трупъ его и кинула на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили злодѣевъ. Затѣмъ народъ кинулся на дворъ Глинскаго и сталъ бить его людей. На третій день послѣ убійства Юрія Глинскаго, чернь повалила въ село Воробьево и громкими криками требовала, чтобы царь выдалъ ей и другихъ Глинскихъ на расправу. Около царя находились князья Шуйскіе. Послѣ казни князя Андрея, они были отправлены въ ссылку, но потомъ были помилованы и вернулись ко двору. Теперь эти Шуйскіе поддерживали требованіе народа и совѣтовали царю казнить виновниковъ пожара.

Но тутъ Иванъ рѣшилъ показать себя. Моментъ былъ критическій и полный трагизма. Шуйскіе толкали царя на страшный путь: онъ могъ бы создать для Ивана только кровавую память въ исторіи. Но уступать кому-нибудь было не въ натурѣ Грознаго. Пусть онъ былъ часто беспощаднымъ и пристрастнымъ судьей: все же никогда не позволялъ онъ навязывать себѣ чужую волю. Мы не знаемъ, что думалъ онъ объ самомъ обвиненіи Глинскихъ. Конечно, онъ былъ суевѣренъ, какъ и всѣ люди того времени. Вполнѣ возможно, что, особенно въ тогдашнемъ своемъ возрастѣ, онъ и считалъ вину чародѣевъ вполнѣ вѣроятной. Но тѣ, которые обвиняли Глинскихъ, осмѣливались посягнуть на его собственныя права; они дерзали подсказывать, даже предупреждать его рѣшенія. Естественно, что въ его глазахъ они были болѣе достойны кары, нежели поджигатели—дѣйствительные или мнимые. И Грозный прынулъ; онъ выпрямился во весь ростъ; онъ проявилъ себя во всей своей силѣ. До того времени подданные царя знали лишь тирана; теперь выступилъ государь, котораго скоро должны были всѣ почувствовать. Михайлъ Глинскій бѣжалъ уже къ Лиговской границѣ. Онъ былъ задержанъ однимъ изъ Шуйскихъ, княземъ Петромъ. Иванъ приказалъ освободить своего дядю: разумѣется, тотъ не выдалъ своей матери, Анны. Однако, палачу пришлось поработать; но на плахѣ положили свои головы лишь зачинщики смуты, пытавшіеся поживиться на пожарищѣ Москвы или свести счеты со своими врагами.

Излагая исторію этихъ событій, первый біографъ Ивана, Курбскій, изобразилъ среди нихъ одинъ эпизодъ, который ввелъ въ заблуж-

ждение многихъ позднѣйшихъ историковъ. По словамъ Курбскаго, въ тотъ моментъ, когда царю угрожали пьяные мятежники, къ нему явился внезапно неизвѣстный священникъ. Его внѣшность напоминала пророка, сошедшаго съ иконы; рука его была простерта къ небу; суровое лицо дышало вдохновеніемъ. Онъ заговорилъ съ царемъ властно, какъ посланецъ неба; онъ уличалъ его Священнымъ Писаніемъ; въ происходящихъ событіяхъ онъ смѣло указывалъ перстъ Божій, карающій всевозможныя злодѣянія. Его слова, будто бы, подкрѣплялись знаменіями и чудесами... Однако, уже послѣдняго обстоятельства достаточно, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ правдоподобіе этого разсказа. Впрочемъ, у насъ есть еще другіе указанія, которыя позволяютъ намъ выяснитъ историческую истину. Авторъ Домостроя, Сильвестръ, уже нѣсколько лѣтъ до того состоялъ священникомъ Благовѣщенскаго собора. По своему положенію, онъ являлся официальнымъ духовникомъ московскаго государя. Такимъ образомъ, лицо, которому Курбскій приписываетъ столь исключительное значеніе, не могло быть совершенно неизвѣстнымъ Ивану. Сильвестръ былъ въ дружбѣ съ однимъ изъ дядей царя—княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. За него онъ успѣшно ходатайствовалъ передъ Иваномъ еще въ 1541 году. Такимъ образомъ, еще задолго до московскаго пожара, ему удавалось вліять на царя,—но при самыхъ обычныхъ условіяхъ. Конечно, это вліяніе ограничивалось самой узкой сферой: естественные предѣлы ему создались и невиднымъ положеніемъ Сильвестра, и невысокимъ его умственнымъ уровнемъ. Надо думать, что Курбскій вспомнилъ о явленіи Наана къ Давиду; но въ языкѣ Домостроя не было и слѣда пророческаго вдохновенія. Просто-напросто наступалъ моментъ, когда безъ всякаго чуда при государѣ должны были выдвинуться новые люди. Всѣ они были одинаково безвѣстны; но всѣмъ суждено было занять первенствующее положеніе. Иванъ уже понималъ, что старые приемы управленія для него негодны: новое положеніе, очевидно, требовало и новыхъ людей... Въ этомъ смыслѣ Иванъ безсознательно слѣдовалъ примѣру Людовика XI... «Не безъ основанія не довѣрялъ онъ людямъ образованнымъ и честнымъ; въ толпѣ безвѣстностей искалъ онъ себѣ смѣлыхъ сообщниковъ; онъ обращался къ людямъ, которые, ничему не учившись, въ своемъ успѣхѣ руководятся лишь вѣрнымъ инстинктомъ...» Положеніе Ивана во многомъ напоминало судьбу Людовика. Какъ и грозный французскій король, предпочиталъ онъ людей, «которыхъ самъ создавалъ изъ

ничтожества» (*Michelet*, *Hist. de France*, VII, 262). Вполнѣ вѣроятно, что наступленіе кризиса было ускорено катастрофой 1547 года; совершенно естественно, что личность Сильвестра выдвинулась, именно, среди возникших безпорядковъ. И, однако, ничто не доказываетъ, что съ этого момента онъ приобрѣлъ ту самую власть надъ Иваномъ, какую приписываютъ ему Курбскій и нѣкоторые другіе историки.

И въ самомъ дѣлѣ: такъ ли крупна была личность Сильвестра, чтобы играть столь выдающуюся роль около Ивана? Пресловутый Домострой менѣе всего свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ немъ не видно ни широкаго политическаго кругозора, ни нравственныхъ убѣжденій высшаго порядка. Кромѣ Домостроя, отъ Сильвестра до насъ дошли три его посланія. Однако, въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ чистаго вздора. Одно изъ нихъ адресовано къ Ивану: подлинность его гадательна, но глупость несомнѣнна. Къ чему сводится мораль этого пониманія? Къ проповѣди воздержанія отъ грѣха содомскаго. Однако, Иванъ знавалъ другого наставника нравственности; этимъ наставникомъ былъ митрополитъ Макарій. Въ смыслѣ познаній Сильвестръ далеко уступалъ этому іерарху. По возвышенности идей онъ не могъ и равняться съ той избранной группой, что держалась около Максима Грека. Словомъ, ни въ его личности, ни въ его духовномъ содержаніи не было ничего, что могло бы повліять или увлечь за собою. Впрочемъ, уже послѣ 1547 года, ему приписываютъ еще другую попытку назиданія Ивана; пожалуй, она и могла произвести извѣстное впечатлѣніе на молодого государя. Дѣло въ томъ, что послѣ опустошенія, причиненнаго пожаромъ, покои великокняжескаго дворца рѣшено было украсить по новому. Можно сказать, что стѣнная живопись всегда и вездѣ являлась точнымъ отраженіемъ господствующихъ понятій. Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка декоративная живопись не знала различія между храмомъ и домомъ мірянина. И церкви, и дома разрисовывались картинами, гдѣ стиль и сюжеты были почти одни и тѣ же. Главные мотивы этихъ изображеній заимствовались изъ Библіи и церковныхъ преданій. Надзоръ за работою художниковъ, расписывавшихъ кремлевскія палаты, былъ порученъ повидимому Сильвестру. Такъ возникли тѣ картины, которыя уцѣлѣли до конца XIII вѣка; точное описаніе ихъ даетъ намъ Забѣлинъ въ своемъ «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей» (стр. 149). Что можно сказать на этомъ основаніи въ пользу Сильвестра? Развѣ то лишь, что онъ обнаружилъ нѣкоторые способности придворнаго льстеца. Впрочемъ,

онѣ замѣтны уже и въ Домостроѣ. Нѣкоторыя картины изображали, правда, кающагося грѣшника; но въ большинствѣ ихъ можно было видѣть либо побѣдоноснаго воина, какъ Иисусъ Навинъ, берущій городъ, либо благодѣтельнаго и мудраго судью, какъ Соломонъ. И вездѣ, подъ всѣми этими именами и во всѣхъ лицахъ изображенъ былъ Иванъ. Его окружалъ цѣлый апофеозъ, гдѣ славныя дѣянія его царствованія были представлены въ символическомъ видѣ. Можетъ быть, тутъ было кое-что и назидательное для Ивана; но, во всякомъ случаѣ, это больше всего льстило его гордости. Мы уже не говоримъ о кровавыхъ спенахъ истребленія «всякой души живой», которыя сопутствовали подвигамъ библейскаго героя. Едва ли жестокіе инстинкты Ивана могли быть исправлены подобными примѣрами.

Защитники Сильвестра указываютъ на другое смѣлое новшество, которое, будто бы, внушилъ онъ невѣдомымъ художникамъ. Дѣло въ томъ, что на одной изъ этихъ картинъ, изображенъ былъ традиціонный Спаситель; рядомъ съ нимъ художникъ написалъ женщину—какъ будто, въ моментъ пляски. Эта картина вызвала цѣлую бурю: пришлось назначить особое церковное слѣдствіе. Однако, самъ Макарій выступилъ на защиту искусства. Онъ доказывалъ, что художникъ не допустилъ никакого кощунства: онъ просто хотѣлъ будто бы изобразить блудъ, какъ одинъ изъ пороковъ, посрамленныхъ и побѣжденныхъ святымъ словомъ Спасителя. Впрочемъ, въ эпоху Ивана Грознаго въ русское пластическое искусство проникають, несомнѣнно, нѣкоторыя новыя вѣянія. Но это явленіе было связано съ извѣстными западными вліяніями, которымъ Сильвестръ оставался совершенно чуждъ. Одновременно съ украшеніемъ кремлевскихъ палатъ, для Благовѣщенскаго собора были написаны псковскими художниками двѣ новыхъ иконы. По мнѣнію Ровинскаго, въ этихъ иконахъ сказывается вѣяніе итальянской школы—въ частности, Чимабуе и Перуджино.

Періодъ преобразованій въ царствованіе Ивана IV открывается только созывомъ особаго собора. Впрочемъ, до настоящаго времени, историкамъ не удалось—ни установить точно время, ни выяснить характеръ этого совѣщанія. Достоверно одно: созывъ собора послѣдовалъ никакъ не раньше московскаго пожара 1547 года. Въ этотъ моментъ на сцену выступаетъ и Алексѣй Адашевъ, чтобы заключить союзъ съ Сильвестромъ. Однако, главная роль при занятіяхъ собора принадлежитъ еще, безспорно, Макарію. Сильвестръ здѣсь почти не выступаетъ. Только неправильное толкованіе документальныхъ дан-

ныхъ могло присвоить впослѣдствіи Сильвестру и Адашеву руководящую роль въ этихъ событіяхъ: ни тотъ, ни другой не были созданы для такого положенія. Въ частности, около личности Адашева создалась цѣлая легенда. Она окружила его непроницаемой тканью вымысла. Такимъ образомъ, въ глазахъ большинства историковъ, фигура Адашева почти совершенно заслонила собой Грознаго. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ были введены въ заблужденіе какъ пристрастными показаніями политическаго союзника Адашева т. е. Курбскаго, такъ и свидѣтельствомъ самого царя. Вотъ почему простой слуга сталъ на мѣсто государя; вотъ почему онъ и думалъ, и дѣйствовалъ за него. Соединяя Адашева съ Сильвестромъ, историки изображали какой-то правительственный дуумвиратъ, который въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, будто бы, обеспечивалъ государству всяческое благосостояніе.

Я постараюсь впослѣдствіи изобразить это положеніе въ должномъ свѣтѣ; я поставлю людей и дѣла на подобающее мѣсто. Тогда мы увидимъ, что подлинная картина менѣе всего соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ фантастическимъ измышленіямъ. Нужно помнить, что свидѣтельства Курбскаго и самого Грознаго относятся ко времени, когда обоихъ любимцевъ царя уже постигла немилость. Въ эту пору Курбскій былъ уже добровольнымъ изгнанникомъ. Естественно, онъ старался смягчить ударъ, нанесенный его честолюбію, придумывая себѣ болѣе или менѣе удачныя оправданія. Что касается Ивана, то онъ всегда отличался замѣчательнымъ искусствомъ въ измышленіи мотивовъ, помогавшихъ ему перенести всю отвѣтственность съ себя самого на голову своихъ враговъ. Скоро, какъ извѣстно, политика преобразованій вовлекла Грознаго въ жестокую борьбу; эта борьба не прекращалась до послѣднихъ лѣтъ его продолжительнаго и бурнаго царствованія. Было бы весьма трудно опредѣлить, какой партией руководили въ этой борьбѣ Сильвестръ съ Адашевымъ, или къ какой сторонѣ они, по крайней мѣрѣ, примыкали. Оба они, какъ мы знаемъ, были выскочками: вотъ, почему многіе хотѣли видѣть въ ихъ лицѣ представителей тѣхъ *новыхъ людей*, какихъ выдвинулъ Иванъ въ своей борьбѣ съ боярскимъ самовластіемъ. Однако, Курбскій принадлежалъ, именно, къ этому старому боярству; съ другой стороны, какъ установлено, онъ былъ другомъ и единомышленникомъ Сильвестра и Адашева. Какъ же примирить это вопиющее противорѣчіе? Какъ же устранить и другія, повидимому столь же безысходныя? Остается одно—надо признать обоихъ любимцевъ царя за то, чѣмъ они и были

въ дѣйствительности. Мы хотимъ сказать, что они служили простыми статистами. Иванъ пользовался ими въ цѣляхъ борьбы съ боярствомъ; но они сами предпочли извлечь свою выгоду изъ тѣхъ же бояръ. Что касается послѣднихъ, то они весьма охотно готовы были двигать этими пѣшками Ивана. Тогда Грозный разрушилъ эти планы. Отбросивъ Сильвестра съ Адашевымъ, онъ призвалъ на ихъ мѣсто другихъ фигурантовъ. Впрочемъ, пора обратиться къ фактамъ.
